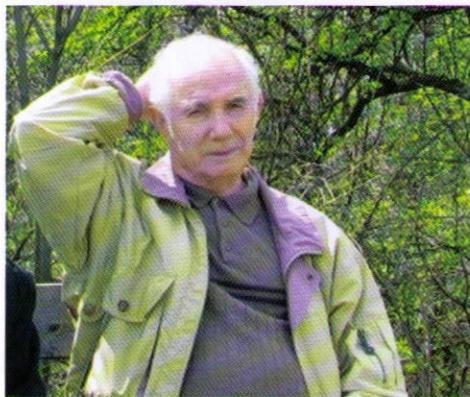

Каждое последнее воскресенье месяца в Литературном буфете Лотцки (www.literaturbuffet.com) в Вене проходят «Русские завтраки» с профессором-славистом Анатолием Бердичевским, которые организуются для австрийцев – любителей русского языка. Время от времени в программу встречи входит интервью с интересным человеком. Гостем одного из последних «Завтраков» был журналист-международник.

В венской квартире Сергея Тосуняна на самом видном месте висит стенгазета, которую сотрудники «Известий» посвятили ему в дни одного из его юбилеев. В ней, в частности, есть фраза: «Он журналистским штурмом взял Берлин». Это о его самой первой работе собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в бывшей ГДР. Потом была вторая длительная командировка – в Бонн, уже от «Известий». И снова Берлин... Последняя страна в этой череде – Австрия, здесь он работал собкором правительенной газеты шесть лет.

– Вам довелось работать исключительно в немецкоязычных странах – ГДР, ФРГ и Австрии. Где вам работалось интереснее, а где комфортнее?

– В первом германском рабоче-крестьянском государстве я много писал о простых людях, об их трудовых буднях, о том, как страна оправлялась после военной разрухи. И действительно, на удивление быстро была восстановлена экономика. Конечно, надо учитывать огромную помощь Советского Союза, но вместе с тем трудолюбие немцев вызывало уважение. Недостатка в продуктах не было, разве что бананы являлись дефицитом, но, правда, не для меня. Имея специальный пропуск, я мог беспрепятственно проезжать из восточной части города в Западный Берлин и покупать «на зависть соседям» экзотические фрукты. Кстати, помочь, в том числе банановая, поступала в Западный Берлин по воздуху. Но бананы в той жизни, как я вскоре понял, это та-

Сергей Тосунян: «Моим соседом был Вилли Брандт»

кая ерунда. Ведь казалось бы, все остальное нормально, страна быстро приходит в себя. Но это была кажущаяся безоблачность. И особенно остро это ощущалось на пропускном пункте во вторую часть города. Я был непосредственным свидетелем национальной трагедии: раз в год открывались контрольно-пропускные пункты в Берлинской стене, и у людей, живущих по обе стороны одного и того же города, появлялась возможность ненадолго увидеться с родными и близкими. Однако и эти встречи очень скоро прекратились. Народ жестко и на долго разделила «холодная война». Но я помню, как оккупационная зона, которую контролировали союзники, задыхалась от гор мусора, и потому была достигнута договоренность между властями обеих частей города, что его будут вывозить на подведомственную советским войскам территорию. А еще мне довелось услышать знаменитую речь президента США Джона

Кеннеди, который 26 июня 1963 года приехал в Западный Берлин. Его слова в знак поддержки и солидарности с жителями города: «Ich bin ein Berliner!» («Я – берлинец!»), облетевшие весь мир, я слышал лично.

Работа в ФРГ была, пожалуй, для меня более простой, так как к тому моменту уже наступило некоторое «потепление». В Австрию же я попал, как говорится, с корабля на бал. Так получилось, что, приехав в Вену, я сразу же получил приглашение на Оперный бал. И, наверное, в какой-то степени это предопределило мою дальнейшую работу. Легко, как вальс, я перешел от новостей политических к новостям культуры и искусства.

– Вы сами находили квартиры, в которых жили?

– Нет, их я получал как бы в наследство от предшественников, причем со всем содержимым: казенной мебелью, посудой и даже с полным собранием сочинений Ленина, то есть приезжал на все готовенькое. В Восточном Берлине мы жили в знаменитом на весь мир районе Карлсхорст, в доме, ранее принадлежавшем полковнику вермахта, и в двух шагах от того зда-

ния, где была подписана капитуляция Германии в 1945 году. Весь наш небольшой «городок» был обнесен забором и усиленно патрулировался полицией, так как там жили в основном советские граждане. В саду особняка мой сын находил монеты со свастикой, а впоследствии, когда я во второй раз был направлен в ГДР, уже мои внуки, слыша рассказы взрослых, перекопали весь сад в поисках клада. Но, в итоге, нашли только противогаз и каску.

В Бонне я жил на Венусберге, на горе, где был заповедник: там спокойно гуляли косули, бегали зайцы, а в саду по деревьям скакали белки, падая

порой в наш надувной бассейн. Короче, мы были привычны к любой живности и к тому, что ее надо спасать. Как-то ко мне постучался мальчик, представился Маттиасом и попросил посмотреть, не забежал ли к нам в сад его котенок. Поиски увенчались успехом, котенок был благополучно снят с дерева, а счастливый мальчик ушел. Только через некоторое время я узнал, что мой сосед, отец мальчика – сам канцлер Германии Вилли Брандт.

В Вене, как и во время предыдущих командировок, я невольно опять жил под усиленной охраной. Дело в том, что на нашей лестничной площадке находился один из отделов турецкого посольства. А поскольку ранее на его сотрудников были случаи нападения, то помещение находилось под круглосуточной охраной. Кстати, трудовой день дипломатов завершался довольно рано, так что, получаясь, блюстители порядка охраняли больше меня. Мы знали друг друга в лицо, и из нашего знакомства я извлек как-то пользу. Во время редкой в Вене плановой проверки на дорогах, при мне не оказалось документов. На мое счастье, в одном из полицейских я узнал «моего» охранника, и меня отпустили с богом.

– А какое самое яркое интервью вам удалось梓ять?

– Было много интересных бесед, но, пожалуй, самая из них запомнившаяся – с президентом ФРГ Вальтером Шелем. И даже, собственно, не само интервью, а его последствие. По регламенту вопросы

были заданы в письменной форме и переданы помощникам президента. Ответы на вопросы, тоже в письменной форме, я получил на следующий же день, и, казалось, на этом все закончилось. Но нет, неожиданно меня пригласили в резиденцию президента задать дополнительный вопрос. Не могу сказать, что такая перспектива меня обрадовала. Вопросы были согласованы с редакцией, утверждены сверху, и самоизъятность в таких ответственных случаях не приветствовалась. Тем не менее я отправился в резиденцию, так и не придумав достойного и безопасного вопроса. Но неожиданно Шель опередил меня. «Вы, как я думаю, армянин?» – спросил он меня в лоб. «Да», – ответил я, не понимая, к чему он клонит. «Тогда расскажите что-нибудь новенькое из анекдотов «армянского радио», оно у нас очень популярно». Как назло, все анекдоты, которые тут же пронеслись в моей голове, оказались один неприличнее другого. Но времени на раздумья не было, поэтому я рассказал первый припомненный.

– Вопрос армянскому радио: «Может ли мужчина на бегу изнасиловать женщину?»

– Ответ: «Нет», – выпалил я и затаил дыхание в ожидании, как отреагирует президент на такую фривольность.

Очень заинтересованный началом, Шель спросил: «Почему «нет»?»

– «Потому что мужчина с приспущенными штанами бежит медленнее, чем женщина с приподнятой юбкой», – расхрабрившись, закончил я.

Шель долго смеялся. Но на этом история не закончилась. На следующий день я встретил помощника из канцелярии президента, и первое, что он сказал, было: «Хочешь послушать новый анекдот «армянского радио»?». Можете догадаться, что я услышал.

– Самое, на ваш взгляд, интересное первое лицо государства, с которым вам приходилось общаться?

– Высшие руководители ГДР прессу обычно не баловали, с нами, журналистами, встречались редко. Поэтому на первое место я бы поставил канцлера Австрии Франца Браницки, который часто приходил на пресс-конференции и даже знал всех нас, зарубежных корреспондентов, поименно. Будучи по образованию финансистом, он провел налоговую реформу и частичную денационализацию, что ожидало экономику страны и способствовало увеличению торгового обмена, в частности, с бывшими коммунистическими странами. И, конечно, Вилли Брандт. Он меня покорил своей умной восточной политикой. Недаром этот человек был удостоен Нобелевской премии. Правда, после разоблачения его помощника Гиома, обви-

ненного в шпионаже в пользу Восточной Германии, канцлер вынужден был уйти в отставку.

– Освещали ли вы приезд советских лидеров в страны, в которых вы работали? Что было особенного в этих визитах?

– Я был в числе журналистов, которые писали о приезде в ФРГ Леонида Брежнева. Генсека принимал как раз Вилли Брандт. Хорошо помню, что тогда возник переполох. Канцлер подарил высокому гостю «Мерседес» лилового цвета. Брежnev, большой любитель быстрой езды, тут же сел за руль и умчался с горы Петерсберг, на которой находилась правительственная резиденция, вниз, вызвав панику среди охраны. Но опасения были напрасны, наш партийный вождь вернулся целым и невредимым. Правда, тут же заявил, что хотя машина ему понравилась, но цвет не очень. Красный был бы в самый раз. На следующий день его желание было выполнено.

– Наверняка и о самом себе вам есть что вспомнить смешного?

– Как-то в Вене я встретился с моим старинным другом, коренным венцем, и тот предложил съездить в Heuriger, продегустировать вина. Не откладывая в долгий ящик, мы направились к его машине, но, почему-то двери не пожелали открываться. Не очень расстроившись, мой друг тут же вызвал техслужбу. Буквально через 10 минут к нам, переливаясь огнями и заливаясь трелями, подкатила машина. У молодых спасателей, при виде двух солидных седовласых господ, даже не возникло вопросов по поводу того, кто является хозяином лимузина. Моментально вскрыв замок, механики укатили восьмовязи, а мы, довольные, уселись в машину. И только тут мой друг понял, что это чужой автомобиль. Его же стоял чуть дальше.

– Вы наверняка были и в Мюнхене на Олимпиаде, когда террористы захватили целую команду Израиля в заложники?

– Как раз находился в центре событий. Журналистам тогда еще разрешалось жить в Олимпийской деревне, поэтому я был свидетелем кровавой бойни, которая произошла практически на моих глазах. Один из убитых террористами был Мойша Вайнберг, мой хороший знакомый. В СССР Вайнберг, как и я в молодости, занимался борьбой, потом эмигрировал, а на всемирные Игры приехал тренером сборной Израиля. За день до его гибели мы договорились встретиться и вспомнить старые времена. Но жизнь, увы, распорядилась иначе.

– Кроме журналистской деятельности, приходилось ли вам заниматься чем-то необычным?

– В 1964 году, по делам служебным, я поехал в провинциальный город Наумбург. И, несколько моих коллег из местных га-

зет рассказали мне одну и ту же историю: живет, дескать, здесь человек по имени Вальдемар и без устали повторяет, что никакой он не Вальдемар, а Владимир. И утверждает, что он вовсе не немец по происхождению, а русский. Меня эта история очень заинтересовала, и я попросил знакомого журналиста устроить с ним встречу. Вальдемар-Владимир оказался симпатичным молодым человеком 20–22 лет. Он поведал мне, что в последние годы в его памяти все чаще всплывают эпизоды из детства. Как он совсем маленьким тряся много дней с мамой на поезде в тесном, набитом людьми вагоне. Когда же, наконец, они приехали в какой-то город, их разлучили. И дальше он помнит себя уже в приюте. Впрочем, все его попытки выяснить, как он туда попал, не увенчались успехом, так как никаких документов не сохранилось. Я занялся расследованием. И, уж не знаю, то ли мое журналистское удостоверение действовало магически, то ли случайно попал на нужного человека, но воспитательница, с которой я встретился, вспомнила, что, ее предшественницы рассказывали, как в 1943 году какие-то люди привели мальчика в детский дом, и имя свое он получил уже там. Я написал об этом статью. Ее опубликовали в газете, и, можете представить, в редакцию позвонила женщина из сибирского Лесогорска: во время войны ее вместе с трехлетним сыном угнали в Германию на принудительные работы. Там их разлучили, и до конца войны она работала на одном из заводов Третьего рейха, не зная о судьбе своего ребенка. Проверив все данные, руководство редакции решило организовать встречу матери с сыном: к тому времени уже никто не сомневался, что это родные люди. Саму встречу я не забуду никогда: упав на колени, мать и сын поползли навстречу друг другу...

– Скажите, за какой поступок вы испытываете особую гордость?

– Когда в 1988 году в Армении произошло сильнейшее землетрясение, унесшее тысячи жизней, весь советский народ помогал республике выбраться из беды. Помощь поступала и из-за рубежа. Глава строительной фирмы из Граца господин Баусбек связался со мной и выразил желание полететь в район бедствия и как можно скорее начать строительство домов для людей, оставшихся без кровла. Вместе с ним мы полетели в Армению, в город Ленинакан. Там местные власти выделили территорию, на которой позже был построен поселок, получивший название «Австрийская деревня».

С гостем «Русского завтрака» беседовала
Нунэ Умр-Шат